

А.Г. Мельник

История интерьера Троицкого (Зачатьевского) собора Ростовского Яковлевского монастыря в XVIII – начале XX веков¹

Задача составления достаточно полной истории оформления интерьера Троицкого (Зачатьевского) собора Ростовского Яковлевского монастыря в науке до сей поры еще не была поставлена. Хотя отдельные моменты этой истории неоднократно и порой, как увидим ниже, с явными ошибками, описывались в литературе². В настоящее время из всего убранства интерьера собора более или менее сохранилась лишь настенная живопись. Все остальное после 1920-х годов либо погибло, либо оказалось перемещенным за пределы храма. Поэтому с целью реконструкции указанной истории в настоящей работе будут рассматриваться сохранившиеся элементы внутреннего убранства собора, произведения живописи, старые чертежи и фотографии XIX – XX вв., а также письменные источники. О последних следует сказать особо. До нас дошел большой корпус описей и приходо-расходных книг Яковлевского монастыря XVIII – начала XX столетия, которые позволяют с редкой подробностью проследить интересующую нас историю.

Поскольку ранее первоначальное оформление названного интерьера уже становилось предметом специального рассмотрения³, здесь оно будет охарактеризовано предельно кратко. Монастырский Троицкий собор сооружен по замыслу ростовского митрополита Ионы (1652-1690) в 1686 или 1687 гг. и расписан в 1689 г. Храм представляет собой четырехстолпное крестовокупольное пятиглавое трехапсидное одноэтажное здание (илл. 1, 2, 3). Его апсиды заметно понижены относительно четверика. Световым является лишь центральный барабан. Остальные барабаны глухие, то есть их наличие никак не влияет на образ интерьера. Четверем крещатым в плане подкупольным столпам на стенах отвечают лопатки. Рукава пространственного креста перекрыты полукруглыми сводами, а угловые компартименты – лотковыми. Апсиды перекрыты конхами. Центральный барабан опирается на ступенчато повышенные подпружные арки. Примерно на высоте двух третей расстояния от пола до сводов устроены 12 арок, переброшенных между столпами, а также от столпов к стенам. Интерьер освещается расположенными в три яруса окнами четверика, а также окнами центрального барабана и апсид. Вместо обычного в соборе имеется каменный, расписанный фресками иконостас. Как он, так и упомянутые промежуточные арки придают интерьеру подчеркнутое своеобразие. Кроме того, важнейшей особенностью данного интерьера первоначально являлось то, что в его оформлении явно преобладала настенная живопись, даже в местном ряду иконостаса имелось лишь две иконы по бокам от царских врат. Остальные же местные образа были выполнены в технике фрески.

До последнего времени наиболее загадочным этапом существования рассматриваемого интерьера являлась первая половина XVIII в. Ситуацию несколько изменило обнаружение описи Яковлевского монастыря 1738 г.⁴ (далее – Опись 1738 г.). В настоящий момент это – самая ранняя опись данной обители и ее собора.

Удивительно, но к моменту составления Описи 1738 г. по сравнению с концом XVII в. мало что изменилось. Справа (к югу) от царских врат, на которых имелись изображения Благовещения и четырех евангелистов, помещалась одна икона – «Отечества, писана на золоте, оклады и венцы серебряные, чеканные, позолочены»⁵. Данный образ исполнял роль храмовой иконы собора, ведь последний был тогда посвящен Троице, а на иконе Отечества изображались Бог Отец, Иисус Христос и Святой Дух, то есть божественная Троица. К югу от Отечества располагались стенописные образа местного ряда – «Зачатие Анны» и «Леонтий Ростовский».

Слева к северу от царских врат в 1738 г. находилась икона «Пресвятые Богородицы с превечным Младенцем, оклад и венцы и поля серебряные, золочены. Цата жемчужная, с камешками простыми и с китайскими зернами, в той цате два запана серебряные, золочены, в привесе крест серебряной»⁶. К северу от данной иконы находились стенописные образа – «Иаков Ростовский» и «Исаия Ростовский».

На южной алтарной двери имелось изображение архидиакона Филиппа, на северной – архидиакона Стефана. Перед местными иконами Отечества и Богородицы находилось по одной медной с позолотой лампаде. Храм освещало медное паникадило⁷.

К северу от царских врат, почти перед иконостасом располагалась гробница св. Иакова, епископа Ростовского, мощи которого находились под спудом. Сверху на гробнице, очевидно, наподобие крышки раки, лежал образ святого, «писан на красках, на том образе венец и цата серебряные, чеканные, в привесе крест да копейка серебряная». На гробнице лежало шесть покровов, выполненных из различных дорогих тканей. На некоторых из этих покровов имелись изображения креста. Но ни один из них не был лицевым, то есть не содержал изображения святого. Кроме того, в соборе имелась икона св. Иакова, но где конкретно – в описи не указано⁸.

Важно подчеркнуть, что гробница Иакова Ростовского в то время, а также и во второй половине XVIII в. находилась не у северной стены храма, как во второй половине XIX – начале XX вв., а на некотором расстоянии от нее, очевидно, вблизи от фрескового изображения св. Иакова, сохранившегося к югу от северной алтарной двери в местном ряду иконостаса (илл. 4).

Как известно, в 1709 г. в юго-западном углу собора был погребен ростовский митрополит Димитрий. Он сам при жизни завещал похоронить себя в этом месте.

Согласно Описи 1738 г., над могилой митрополита Димитрия задолго до его канонизации существовал вполне представительный надгробный комплекс: «В той же церкви, на правой стороне, на гробе (имеется в виду надгробие – А.М.) преосвященного Димитрия митрополита образ Богородичен с превечным Младенцем, оклад поля и венец серебряные, позолочены, басебные, в венцах у Богоматери и у превечного Младенца шесть камней в серебре, в том числе четыре зеленых, два белых да красной, в привесе копейка серебряная, большая. На том гробе покров отлас черной, крест круживо золотное, обложен камкою зеленою, подложен крашениною»⁹. Возможно, под упомянутой Богородичной иконой имелась в виду келейная икона святителя Димитрия «Богоматерь Ватопедская»¹⁰, хотя полной уверенности в этом нет. Описание данного надгробного комплекса свидетельствует, что в зачаточном состоянии почитание Димитрия Ростовского существовало еще до открытия его мощей и официальной канонизации.

Алтарная часть храма, по Описи 1738 г., имела довольно сдержанное оформление. В частности, здесь за престолом находился «крест писан на красках, по обоим сторонам два образа Богородичны писаны на золоте, венцы низаны жемчугом»¹¹.

По Описи 1738 г., собор имел паперть, расписанную стенным письмом¹². О наружном облике данной паперти, которая в виде небольшого объема примыкала к храму с запада,

мы можем судить по чертежу конца XVIII в. (илл. 5). Вполне возможно, что она возникла одновременно с собором и была расписана в том же 1689 г. К сожалению, паперть в начале XIX в. разобрали, и теперь мы можем только лишь догадываться о содержании ее стенописи.

Следует подчеркнуть, что в оформлении надгробных комплексов святителей Иакова и Димитрия, а также интерьера в целом отсутствовали богатство и пышность, столь свойственные эпохе барокко, в период господства которого составлялась Опись 1738 г.

Согласно той же описи, с севера к собору примыкал придел, посвященный Иоакиму и Анне, он имел довольно-таки скромное внутреннее оформление. Иконостас придела был невысоким, двухъярусным, справа от царских врат располагалась икона Спасителя, слева – храмовая икона Иоакима и Анны. На южной двери имелось изображение Ангела хранителя. Второй ярус составлял деисусный чин из одиннадцати икон, которые тогда, то есть в 1738 г., были уже ветхими. Перед местными образами размещались две медные лампы¹³. В дальнейшем я не буду специально рассматривать историю оформления интерьера данного придела, так как это не входит в задачу настоящей работы.

Однако необходимо отметить следующее. Еще в первом издании о Яковлевском монастыре без ссылки на первоисточники было сказано: «В 1725 году к главной Троицкой церкви с северной стороны пристроена другая, каменная, теплая церковь во имя Зачатия св. Анны и бывшая на той стороне паперть вошла в новоустроенный придел»¹⁴. В последующем это как непреложный факт повторяется в литературе вплоть до наших дней. Но по Описи 1738 г., как мы убедились, придел был посвящен не Зачатию Анны, а Иоакиму и Анне. Это, между прочим, два разных церковных праздника. Выходит, если в первой половине XIX в. не помнили, каким было раннее посвящение придела, то теряет надежность и его датировка 1725 г. Более того, встает вопрос: почему так быстро к 1738 г. обветшали иконы иконостаса придела (см. выше)? Не следует ли думать, что упомянутая дата 1725 г. просто ошибочна?

В 1752 г. произошло событие, кардинально повлиявшее не только на характер убранства рассматриваемого интерьера, но и на судьбу Яковлевского монастыря в целом. В этом году гроб с останками митрополита Димитрия Ростовского был извлечен из-под пола Троицкого собора и установлен над местом прежнего захоронения. Иными словами, состоялось обретение мощей святителя. Вскоре около них были зафиксированы многочисленные исцеления больных, что привело, в конечном итоге, к причислению Димитрия Ростовского к лику святых в 1757 г. В последующие десятилетия XVIII в. он становится одним из самых почитаемых святых Российской империи, а собор Яковлевского монастыря – важнейшим центром паломничества того времени. Все это обусловило существенное обновление убранства интерьера храма. Ключевым в данном отношении стал 1757 г.

Очевидно, в первую очередь было существенно изменено оформление места упокоения св. Димитрия. Согласно описи 1757 г., в юго-западном углу собора, который в 1754 г. был переименован в Зачатьевский¹⁵, располагалась деревянная гробница. Внутри нее находился первоначальный деревянный гроб с мощами святого. В гробу хранился небольшой ковчег с частью тех же мощей. Поверх наружной гробницы располагалась «картина святителя Димитрия митрополита Ростовского писанная на холсте». На той же гробнице лежал «крест благословящей в окладе серебряном, бисерном, позолоченном, ветхой»¹⁶.

Рядом находилась не одна, как ранее, а две Богородичных иконы – очень богато украшенных венцами и драгоценными камнями. Одна из них в описи 1757 г. зафиксирована следующим образом: «Пречистые Богородицы з держащие ею на правой руке превечным Младенцем»¹⁷. С конца XVIII в. в документах ее стали называть

Богородицей Ватопедской¹⁸. Согласно монастырской традиции, она считалась келейной иконой св. Димитрия Ростовского¹⁹. Вторая икона, хотя и зафиксирована Описью 1757 г.²⁰, однако, в отличие от нее, более подробно описана в монастырской описи 1770 г.²¹, а также в целом ряде более поздних соответствующих описей²². Для примера приведу описание данной иконы в описи 1786 г.: «Пречистыя Богородицы Боголюбския, при коей написаны в молении предстоящими чудотворцы ростовские да преподобный Мартиниан, вверху того образа в левой стороне на облаках образ же всемилостиваго Спаса»²³.

Недавно В.И. Вахрина объявила, что данный образ ныне хранится в Ростовском музее под номером И-651²⁴. Но если бы она перед тем как утверждать это, заглянула в упомянутые выше архивные источники или хотя бы в известную ей книгу А.А. Титова «Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках»²⁵, то вряд ли решилась бы обнародовать подобное, с позволения сказать, открытие. Действительно, на музейной иконе²⁶, происхождение которой, между прочим, в доступных документах не зафиксировано, перед Богоматерью представлены только ростовские святые, а преподобный Мартиниан отсутствует. Кроме того, Спас изображен не в левой, а в правой части иконы. Так что, вопреки мнению Вахриной, местонахождение «Богоматери Боголюбской», располагавшейся у гробницы св. Димитрия, по сию пору не установлено.

Столь же сомнительна версия В.И. Вахриной об обнаружении указанной выше иконы «Богоматери Ватопедской». Она якобы «была взята из закрытой церкви Успения Дивной Горы» в 1963 г.²⁷ Но когда и каким образом эта икона попала из Яковлевского монастыря в названную церковь, автор умалчивает.

Возвращаясь к рассмотрению надгробного комплекса этого святого, отмечу, что в 1757 г. перед образами Ватопедской и Боголюбской Богоматери имелись лампы.

За иконами стоял «посох архиерейской деревянной, крашеной, у коего сверху ключка и яблока позолоченые». При гробнице также располагались «картина конклюзия объявленнаго святителя Димитрия митрополита, писанная на холсте красками» и три особых текста, выполненных уставом: «духовная онаго святителя Димитрия митрополита», стихотворение «Памяти смертной» и «Копия с репорту от его архипастырства Святейшаго правительствующаго синода члена преосвященнаго Арсения, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, в Святейший правительствующий синод о обретении мощей означеннаго Димитрия митрополита, Ростовскаго и Ярославскаго, писанная в прошлом 1752-м году октября 10 дня»²⁸.

Описанный надгробный комплекс обладал как традиционными, так и подчеркнута инновационными чертами. Крест, лежавший на гробнице, архиерейский посох, иконы Богоматери и лампы отражали древнюю традицию в формировании надгробных комплексов русских святых²⁹. Очевидно, все эти предметы, кроме лампад, воспринимались как реликвии, связанные с св. Димитрием. Картины же на холстах и, в особенности, «демонстрационные» тексты явно были порождены эпохой середины XVIII в., проникнутой духом западноевропейской культуры. Последний из упомянутых текстов косвенно свидетельствует, что описанный комплекс возник по указанию митрополита Арсения Мацевича (1742-1763).

В облике надгробного комплекса св. Иакова к 1757 г. мало что изменилось по сравнению с первой половиной XVIII в. Поверх гробницы лежало выполненное на доске изображение святителя, украшенное серебряными венцом и цатой. Перед гробницей располагались большая и малая лампы³⁰.

Существенные перемены произошли в оформлении алтарной преграды собора. В 1757 г. здесь был установлен невысокий резной иконостас. В нем имелся лишь один местный ряд икон, над которыми располагалась «по одной небольшой короне с малым крестом». К югу от резных золоченых царских врат находились иконы Всемилового Спаса, Иоакима

и Анны, а также образ святителя Димитрия, «писаной на холсте», соответственно к северу от царских врат – иконы Богоматери с Младенцем и Николая Чудотворца. На южной алтарной двери был изображен архиерей Филипп, на северной – архиерей Стефан³¹. Надо полагать, данные боковые двери сохранились от более раннего иконостаса. Остальные перечисленные иконы были написаны заново. Прежние же иконы Отечества и Богоматери оказались перемещены в менее значимые места храма – на его западные столпы³², на нижних частях которых с этого времени постепенно расположилось большое количество икон³³.

Перед местными иконами описанного иконостаса имелись лампы. Общее освещение храма осуществлялось, как и в первой половине XVIII в., большим паникадиллом³⁴.

Как видим, программа нового местного ряда подверглась существенному обновлению. Если раньше в соответствующем ряду, кроме «Отечества», «Богородицы» и «Зачатия Анны», имелись лишь фресковые изображения ростовских святых Леонтия, Иакова и Исаии, то теперь вместо трех последних появились образа святителей Димитрия и Николая Чудотворца, а «Отечество» сменила более привычная для того времени икона Спаса³⁵.

Прошло всего лишь несколько лет, и в 1760-е годы этот интерьер вновь подвергся радикальному обновлению. Надо полагать, относительно скромное убранство храма уже не соответствовало сложившимся представлениям о необыкновенно высоком статусе культа св. Димитрия. Тогда к участию в оформлении надгробного комплекса святителя оказались причастны императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II. По заказу первой из них, очевидно, столичными мастерами была выполнена великолепная серебряная рака в стиле барокко для мощей святого (илл. 6), а также необыкновенно монументальный, 6 аршин в высоту и 3,25 аршина в ширину (4,26x2,31 м), серебряный киот, в который был вставлен образ Димитрия «на полотне», кисти известного итальянского художника П. Ротари. На массивном серебряном основании киота начертали прославляющий святого пространственный текст, который сочинил сам М. Ломоносов³⁶.

Из Яковлевского монастыря киот исчез в 1920-е годы. До последнего времени не было известно ни одного его фотографического изображения и образа св. Димитрия, написанного П. Ротари, в том числе. Недавно мне удалось отыскать одно из них среди неатрибутированных негативов Ростовского музея (илл. 7). И теперь мы можем утверждать, что по стилю киот был близок раке святого. Подобно ей облик киота сочетал в себе причудливые барочные элементы, частично трактованные в стиле рококо, и большие, лишённые украшений поверхности полированного серебра.

В 1763 г. упомянутую раку привезли в Яковлевский монастырь, и в присутствии императрицы Екатерины II переложили в нее мощи святого³⁷. О том, как стал выглядеть обновленный надгробный комплекс святого, сообщает монастырская опись 1770 г., которая включает в себя большие фрагменты описи 1765 г. Согласно последней, раку установили на особом ступенчатом пьедестале, покрытом красным сукном, в юго-западном углу собора – в том месте, где стояла ее деревянная предшественница. Красная дорогая ткань оформляла внутреннюю часть раки. А снаружи ее покрывал шелковый алый «чехол» с серебряной ажурной отделкой и небольшим вышитым образом св. Димитрия. Рядом находились две очень богато украшенные драгоценными камнями иконы Богоматери – они имелись еще у предшествовавшей гробницы. Перед ними горели серебряные лампы. Здесь же располагался шитый по красному атласу образ святителя³⁸. Упомянутый серебряный киот с образом св. Димитрия установили к востоку от его раки³⁹. Киот почти занял большую часть промежутка между юго-западным столпом и южной стеной храма. Тем самым пространство вокруг раки оказалось зрительно

обособлено наподобие церковного придела. Перед киотом имелись серебряные лампы⁴⁰.

Ныне можно лишь мысленно представить, сколь поразительное зрелище представлял собой описанный надгробный комплекс, в котором контрастно сочетались пламенеющие различными оттенками красные ткани с холодноватым блеском больших полированных поверхностей серебра. Этот исключительный по богатству и выразительности ансамбль являлся одной из вершин сакрального искусства эпохи русского барокко и рококо. В данном отношении ближайшим стилистическим и смысловым аналогом ему являлся надгробный комплекс 1750-1753 гг. св. Александра Невского в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга. В несколько меньшей степени это относится к надгробному комплексу св. Сергия Радонежского 1741 г.

Под стать ансамблю гробницы св. Димитрия выдающимся памятником барокко, трансформированного в духе рококо, являлся новый иконостас собора (илл. 8), созданный в 1762-1764 гг. осташковскими резчиками Сысоем Изотовым Шолмотовым и Степаном Никитиным Бочкаревым⁴¹.

Еще в первом издании о Яковлевском монастыре сказано, что иконы для иконостаса в 1780 г. написал харьковский живописец Венедикт Вендерский⁴². Впоследствии во всех публикациях, касавшихся данной темы, повторялось примерно то же самое. Однако, согласно достоверному источнику, в 1765 г. иконостас вместе с иконами уже стоял в соборе, только тогда он еще не был позолочен⁴³. В Книге исторических записок о Яковлевском монастыре 1836 г., хранящейся в Ростовском архиве, читаем под 1762 г.: «В оном году начат строением в соборную церковь иконостас орнаментный, из монастырского материала, за 1000 р., мастерами города Осташкова купцами Сисоем Зотовым Шолмотовым и Степаном Никитиным Бочкаревым.

Равно и иконное писание в сей иконостас начато славным харьковским, бывшим придворным живописцем Венедиктом Дмитриевым Вендерским»⁴⁴.

К сожалению, в данной Книге не сказано, когда он закончил свою работу. Но мы теперь знаем, что в 1765 г. все иконы были уже готовы (см. выше). Вероятно, в таком случае, сообщение упомянутого старейшего издания о Яковлевском монастыре об установке иконостаса в 1764 г.⁴⁵ соответствует действительности. Если это так, то и иконы для него написаны между 1762 и 1764 гг.

В свое время В.И. Борисова по поводу цитированной выше записи из Книги исторических записок о Яковлевском монастыре 1836 г. осторожно, то есть лишь в сноске своей статьи, предположила: «Возможно, в документе допущена ошибка и здесь имеется в виду известный харьковский живописец Венедикт Дмитриевич Свидерский»⁴⁶. Позже А.Е. Виденеева, опираясь на архивные источники, отметила: «Работавший в 1763 г. в Ростове живописец Венедикт Дмитриев сын Свидерский по заказу архиерейского дома написал шесть икон с изображением св. Димитрия Ростовского»⁴⁷. Значит, как раз в период создания икон для интересующего нас иконостаса В.Д. Свидерский был в Ростове и, очевидно, с целью дополнительного заработка изготовил упомянутые иконы св. Димитрия. Основная же его работа, можно думать, тогда состояла в написании икон для иконостаса Зачатьевского собора Яковлевского монастыря. Таким образом, действительно, фамилия Вендерский возникла в результате ошибочного прочтения подлинной фамилии В.Д. Свидерского.

Часть написанных им иконостасных икон дошла до нашего времени. Ныне они хранятся в Яковлевской церкви названного монастыря. Одна из них – «Апостол Иаков» (илл. 9, 10, 11) – ярко характеризует стиль Свидерского, присущий эпохе барокко.

Позолота иконостаса осуществлена «мастером дворцовой канцелярии села Покровского крестьянином Иваном Даниловым Санеевым⁴⁸ лишь в 1776-1778 гг.⁴⁹

Чтобы с максимально возможной полнотой представить данный иконостас, приведем ниже его описание, составленное в 1797 г.

«В той же церкви иконостас с царскими дверьми, от низу до самого верху резной, великолепной фрунтовой работы, с выгибами, и весь вызолочен на полимент червонным золотом.

В том иконостасе образов святых.

В местном поясе.

По правую сторону царских врат.

Первой образ Всемилоствяго Спаса, на нем венец серебряной, гладкой, с сиянием чеканным и весь вызолоченной; на венце слова и чины и вокруг всего венца выложено камешками простыми, белыми и зелеными. Во всем том венце весу один фунт пятьдесят четыре золотника, приложенной ноября 27-го дня 789 года.

Пред тем образом лампада серебряная, позолоченая, чеканной работы; на ней шандал медной, посеребренной, на коем трубки, больших четыре, малых двадцать семь серебряных; по краям лампы три херувима, и за них придетья три коленчатые цепи серебряные; по верху оных чашка с кольцом серебряные ж и позолоченные, на лампаде ж три серебряные штуки черневой работы, с вырезанными на них надписями, где и когда делана, весом кроме шандала, двенадцать фунтов сорок четыре золотника, приложенная апреля 5-го дня сего 797-го года.

Второй образ храмовой, святая праведная Анна, на ней венец серебряной, чеканной и позолоченной, по нем выложено в два ряда камешками хрусталу восточного, во всем венце весу один фунт тридцать девять золотников, приложенной апреля 5-го дня сего 1797-го года.

Пред ним лампада серебряная, чеканная, с клеймами, около ж ее обруч прорезной с надписью, три херувима и верхняя чашка с кольцом серебряные ж, а шандал с трубками и чепи медные, посеребренные, весу в серебре три фунта девятнадцать золотников.

Третий образ Святого Апостола Павла, на нем венец серебряной, чеканной и позолоченной, на нем выложено в два ряда камешками хрусталу восточного, весом один фунт сорок два золотника, приложенной апреля 5-го дня сего 797-го года.

Пред ним лампада серебряная, с клеймами, у коей шандал чепи и верхняя чашка с кольцом серебряные ж, с надписью на ней: сия лампада зделана тщанием города Тобольска Якова Яковлева сына Павлуцкаго, во всей весу пять фунтов двадцать четыре золотника.

Южные двери, на них образ Вознесения Господня.

От оных южных дверей образ святителя Димитрия, митрополита Ростовскаго, чудотворца, на нем венец серебряной, чеканной и позолоченной, на шапке, имеющейся в венце, две штуки черневой работы, серебряные ж; по шапке и по венцу выложено камешками хрусталу восточного, во всем венце весу один фунт семьдесят четыре золотника, приложенной апреля 5-го дня сего 797-го года.

На завороте образ святая великомученицы Екатерины, на ней венец серебряной, чеканной и позолоченной, на короне в венце в один, а по венцу в два ряда выложено камешками хрусталу восточного, весом в полтора фунта, приложенной того ж 5-го числа апреля сего года.

Пред оными обоими образами лампада серебряная, чеканная, с клеймами, с обручем прорезным и с тремя херувимами, весом три фунта тридцать золотников, а шандал с трубами, цепи и верхняя чашка с кольцом медные, посеребренные.

По левую сторону царских врат.

Первой образ Пресвятыя Богородицы с предвечным Младенцем, на оном образе риза кованая, чеканная, с венцами, серебряная, позолоченая. Весом 22 фунта.

Пред ним лампада серебряная, позолоченая, чеканной работы, на ней шандал медной посеребренной, на коем трубки, больших четыре, малых двадцать семь; по краям лампы три херувима и придетые за них три цепи коленчатые, по верх оных чашка с кольцом серебряныя ж и позолоченыя, на лампаде три штуки серебряныя, черневой работы, с вырезанными на них надписями, где и когда делана, весом, кроме шандала, двенадцать фунтов тридцать золотников, приложена апреля 5-го дня сего 797-го года.

Второй образ Богоотца Иоакима, на нем венец серебряной, чеканной и позолоченой, по нем выложено в два ряда камешками хрусталу восточного, во всем венце весу один фунт пятьдесят золотников, приложенной апреля 5-го дня сего 797-го года.

Пред ним лампада серебряная, чеканная, с цепми и верхнею чашкою с кольцом, серебряными ж, весом три фунта восемьдесят золотников, а шандал с трубками медные.

Третий образ святителя Иакова, епископа Ростовскаго, чудотворца, на нем венец серебряной, чеканной и позолоченой, на шапке в венце три штуки черневой работы, Христа Спасителя, Богоматери и Предтечи, серебряные, по шапке ж и по венцу выложено камешками хрусталу восточного, о всем венце весу полтора фунта, приложенной апреля 5-го дня сего 797-го года.

Пред ним лампада серебряная, с лица чеканная, с травами, и при ней с тремя херувимами, за кои придеты цепи, весом фунт девяносто золотников, шандал же, цепи и верхняя чашка с кольцом медныя.

Северныя двери, на них образ Воскресения Христова.

От тех северных дверей образ святителя Афанасия, архиепископа Александрийскаго, на нем венец серебряной, чеканной и позолоченой, на шапке в венце пять штук серебряной черневой работы, по шапке ж и по венцу выложено камешками хрусталу восточного, в сем венце весу фунт шестьдесят пять золотников, приложенной апреля 5-го дня сего 797-го года.

На завороте образ святыя великомученицы Варвары, на ней венец серебряной, чеканной и позолоченной, по нем выложено в два ряда камешками хрусталу восточного, о всем венце весу полтора фунта, приложенной апреля 5-го дня сего 797 года.

Пред обоими теми образами лампада серебряная, гладкая, шандал с трубками, цепочки с верхнею чашкою, при лампаде и на цепочках шесть херувимов все серебряные ж, весу во всей четыре фунта двадцать два золотника.

В середине и по обоим сторонам над местными образами и в других в иконостасе поясах, по разным местам в клеймах, праздничных, апостольских, пророческих, страданий Христовых и других икон пятьдесят.

Показанныя в местном поясе на южных и северных дверях и в клеймах образа наилучшей работы, во всем иконостасе все имеются живописные»⁵⁰.

Дух того времени с необыкновенной наглядностью передавали иконы описанного местного ряда. Он был составлен по особой программе, совершенно очевидной для современников. Иконы Спаса и Богородицы справа и слева от царских врат являлись обязательными элементами большинства русских иконостасов того времени. Иконы Иоакима и Анны выражали собой посвящение собора Зачатию Анны. Образы Димитрия и Иакова свидетельствовали об исключительности для монастыря культов этих святых, останки которых покоились в том же храме. Образ св. Варвары был связан с почитанием

св. Димитрия, поскольку он считал ее своим небесным патроном⁵¹. Между прочим, упомянутая икона Иакова находилась справа от северной алтарной двери, вблизи гробницы этого святого. Следовательно, она воспринималась почти как надгробный образ. Вспомним, что в качестве надгробного мыслился в конце XVII – первой половине XVIII в. фресковый образ Иакова (илл. 4), позже его заслонил барочный иконостас 1762-1764 гг. Выбор перечисленных семи икон во многом определялся не волей заказчиков, а обычаем. Остальные же три иконы появились вразрез с предшествовавшей традицией. Именно они и выражали своеобразие замысла данного местного ряда.

На упомянутых трех иконах были представлены патрональные святые тех, кто олицетворял для Яковлевского монастыря в середине 1760-х годов власти государственные и церковные. В самом деле, апостол Павел был патрональным святым наследника престола Павла Петровича, будущего императора Павла I, великомученица Екатерина – императрицы Екатерины II, Афанасий Александрийский – патрональный святой тогдашнего ростовского архиерея Афанасия Вольховского (1763-1776).

В цитированном выше описании соборного иконостаса 1797 г. его царские врата зафиксированы очень общо и кратко. Более полное представление о них дает опись 1847 г.: «В нем (в иконостасе – А.М.) царские врата в виде Сошествия Святого Духа с резными личными изображениями Божия Матери и дванадцати Апостолов с сиянием свыше, все кроме лиц вызолочены по полименту»⁵². Данному описанию полностью соответствует изображение царских врат рассматриваемого иконостаса на фотографии 1920-х годов (илл. 12). Но, как увидим ниже, в 1850-1851 гг. на месте старых в иконостасе появились новые и иные по форме, чем прежние, серебряные врата (илл. 22). Возвращение старых царских врат в иконостас в 1920-х годах объясняется следующим образом. Надо полагать, серебряные царские врата после революции 1917 г. были конфискованы, и монастырским властям пришлось вернуть в иконостас сохранившиеся до того первоначальные царские врата. Их-то и зафиксировал фотограф 1920-х годов. Вероятно, именно они послужили образцом для целого ряда подобных царских врат иконостасов храмов Ростова и его окрестностей в последней трети XVIII в.

В 1750-е – 1760-е годы культ св. Димитрия Ростовского получил государственное значение. Он в какой-то мере олицетворял Российскую империю той эпохи. Как видим, государственная идея с необыкновенной отчетливостью выразилась тогда и в убранстве храма – усыпальницы этого святого.

Очевидно, в подражание надгробному комплексу св. Димитрия в 1760-е годы у гробницы св. Иакова установили в качестве надгробной иконы «образ того ж святителя Иакова писан на холсте золотом и красками»⁵³.

В 1776 г. началась грандиозная перестройка в камне ансамбля Яковлевского монастыря, длившаяся до конца XVIII в.⁵⁴ В ее рамках в 1776-1780 гг. происходило капитальное обновление Зачатьевского собора, которое затронуло как его наружный, так и внутренний облик. В частности, как уже говорилось выше, в 1776-1778 гг. был вызолочен стоявший до того более десяти лет «белым»⁵⁵ соборный иконостас. После чего интерьер храма обрел черты пышной и причудливой роскоши, столь свойственные позднему барокко, проникнутого духом рококо.

Согласно литературе, в 1780 г. древняя настенная живопись собора была поновлена гробовым иеромонахом Яковлевского монастыря Амфилохием⁵⁶. Однако подлинные документы свидетельствуют, что такую работу выполнил в 1778 г. житель подмонастырской Яковлевской слободы Андрей Матвеев сын Мелехин «с товарищи»⁵⁷. Ныне можно только догадываться какова была мера участия Амфилохия и Мелехина в данной работе.

Упомянутый Амфилохий с 1780 по 1824 г. исполнял функцию «гробового» иеромонаха, то есть он почти постоянно находился при гробнице св. Димитрия в Зачатьевском соборе, когда последний был открыт для молящихся⁵⁸. Сохранилась картина XIX в., представляющая Амфилохия в данном качестве (илл. 15)⁵⁹. Глядя на нее, мы можем приблизиться к пониманию того, как воспринимался надгробный комплекс св. Димитрия в указанное время.

Около 1776 г. была изготовлена новая деревянная «гробница» святителя Иакова, украшенная, по определению описи 1786 г., резьбою «фруктовой работы»⁶⁰. Так в то время, очевидно, называли резьбу, включавшую в себя мотив виноградной лозы и другие растительные мотивы. На верхней стороне гробницы поместили образ св. Иакова с серебряными позолоченными венцом и цатою, а на всех четырех боковых стенках в клеймах – написанные «по серебру чернью разные о житии его чудеса»⁶¹.

В 1776 г. над гробницей святого решили установить новую деревянную резную, «фруктовой же работы», золоченую сень на четырех столбах. Кстати замечу, что никакой каменной сени, якобы имевшейся над гробницей св. Иакова⁶², никогда не существовало. В том же 1776 г. к изготовлению упомянутой деревянной сени как будто приступил резчик из деревни Ракшина Кашинского уезда Яков Логинов⁶³. Но в следующем, 1777 г., над ней трудился другой резчик, Иван Васильев сын Ситников⁶⁴, он и закончил ее в 1778 г.⁶⁵ Позолоту сени осуществили в 1779 г. уже знакомый И.Д. Санеев и его работник Василий Гаврилов⁶⁶.

По описи 1786 г., верхняя часть сени имела «кзымз (то есть карниз – А.М.), коего с четырех сторон штуки с написанными в них по серебру чернью же херувимами, над херувимами же, с правой стороны, резной работы Евангелие, шапка, крест, посох и трикирий, а по углам кзымза четыре ангела, поверх же той сени Распятие Господне». Перед гробницею св. Иакова тогда стоял большой подсвечник⁶⁷.

Описанный надгробный комплекс располагался напротив северного входа в алтарь, вблизи соборного иконостаса (илл. 13), который украшала резьба, согласно той же описи 1786 г., – «великолепной фруктовой работы»⁶⁸. Вероятно, резное оформление названного комплекса намеренно было уподоблено убранству иконостаса храма. Важно, что комплекс и иконостас оказались увязанными не только в художественном, а и в смысловом отношении. Действительно, почти напротив комплекса, справа, то есть к югу от упомянутого северного входа в алтарь, в местном ряду иконостаса находилась икона св. Иакова (см. выше). Она зримо перекликалась с образом святителя на его гробнице, и, следовательно, составляла с ней единое сакральное целое.

В тот же период некоторые перемены претерпел и надгробный комплекс св. Димитрия. Между 1770 и 1774 гг. ранее входившие в данный комплекс особо чтимые иконы-реликвии Богоматери Ватопедской и Богоматери Боголюбской поместили в специальный резной золоченый киот⁶⁹. К 1774 г. исчез с гробницы, очевидно, из-за ветхости, прежде на ней находившийся алый чехол⁷⁰. Между 1776 и 1786 гг. ступенчатый пьедестал под гробницей вместо красного сукна был обит медью⁷¹. Появились в это время новые лампы и некоторые другие элементы, среди которых можно выделить небольшую икону св. Димитрия, а также иконы Богоматери Ахтырской и Богоматери Иверской⁷².

Ближе к концу XVIII в. у восточных граней западных столпов возникли два клироса «столярной работы, роскрашенные», а у южного из них – «место настоятельское столярной работы, с резьбою, позолоченное и роскрашенное; вверху клеймо резной же работы, позолоченное, на коем написан образ Спасителей, внутри то место обито трипом золотым, травчатым»⁷³.

Последним значительным дополнением к оформлению интерьера собора в XVIII в. стал деревянный резной киот в виде небольшой гробницы для ковчега с частицами мощей

нескольких святых, «избиенных в обители св. Саввы». Этот киот установили в 1794 г. вблизи южного входа в алтарь «в соответствие раке св. Иакова»⁷⁴. Иначе говоря, указанные киот и рака составили с храмовым иконостасом почти симметричную относительно его центральной оси композицию.

XIX век принес новые перемены в образе интерьера Зачатьевского собора. Если раньше на его западных столпах размещались различные иконы без какого-либо общего оформления, то в 1805 г. для них были устроены, а в 1807 г. – позолочены специальные иконостасы⁷⁵ (илл. 14) с витыми колоннами, лучковыми завершениями и другими резными украшениями. Характерно, что, хотя в то время в России господствовал классицизм, эти околостолпные иконостасы получили оформление в стиле барокко с элементами рококо, тем самым их увязали в единое художественное целое с главным иконостасом собора.

Очевидно, примерно тогда же, а точнее – в период между составлением описей 1802 и 1820 гг. – две наиболее чтимые в монастыре иконы, Богоматери Ватопедской и Богоматери Боголюбской, прежде, как мы помним, находившиеся у гробницы св. Димитрия, переместили на западную поверхность юго-западного столпа храма⁷⁶. Таким образом, произошло значительное расширение пространства надгробного комплекса святителя. Теперь оно охватило всю юго-западную часть церковного интерьера. С юга данное пространство ограничивал серебряный киот с портретом-иконой святого времени императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, с севера – сначала деревянная, затем, с 1849 г., медная решетка⁷⁷ (илл. 6).

Перемены в облике димитриевского надгробного комплекса этим не ограничились. Так, после 1809 г. на деньги, данные по завещанию графа Н.П. Шереметева для его «вечного поминовения», была изготовлена в Санкт-Петербурге мастером Дювалем золотая митра, усыпанная драгоценными камнями, которую поместили в раке святителя на его главе⁷⁸.

В 1813 г. у стен средней апсиды алтаря собора был сооружен и в 1814 г. позолочен «иконостас для вкладных в 1810-м году от госпожи Екатерины Никитичны Дурасовой одиннадцати образов в серебряных окладах»⁷⁹. Судя по схематическому чертежу середины XIX в., этот иконостас имел оформление в стиле классицизма (илл. 18).

В начале XIX в. (после 1802 г.⁸⁰) за ракой св. Димитрия установили «Образ Распятия и Положения во гроб Христа Спасителя, писанный на полотне в раме, позолоченой по полименту, длиною в два с половиною аршина»⁸¹. В 1817 г. на южной стене храма, по бокам от окна, близ раки, поместили выполненные по заказу графини А.А. Орловой-Чесменской два «образа: 1-й – святого пророка Даниила, 2-й – святого великомученика Димитрия Солунского, оба в виде стоящих, коих лица и рuce, а у пророка и нозе живописные, а ризы равно у пророка гора и у великомученика крест и копие шитые золотом и серебром превосходным мастерством», в резных золоченых рамах⁸² (илл. 16).

Попробуем объяснить появление в данном месте изображений именно этих двух святых. Мы знаем, что св. Димитрий Солунский считался небесным покровителем св. Димитрия Ростовского⁸³. Очевидно, пророк Даниил также являлся его небесным патроном. Как представитель черного духовенства, митрополит Димитрий должен был иметь не менее двух небесных покровителей. Надо полагать, в честь пророка Даниила его назвали после рождения, во имя Димитрия Солунского нарекли при пострижении в монахи⁸⁴.

Изображения указанных патрональных святых существенно дополнили надгробный комплекс святителя не только в художественном, но и в содержательном отношении. Если ранее у гробницы св. Димитрия Ростовского, кроме его образов, находились лишь иконы Иисуса Христа и Богоматери, то теперь появились изображения его небесных покровителей, которые как бы представляли духовную историю земного пути святого.

Упомянутое выше произведение, представлявшее Распятие и Положение во гроб, в 1824 г. сменил подобный по содержанию «золотошвейный» образ⁸⁵. В следующем 1825 г. у раки появился живописный образ св. Димитрия, выполненный на медной доске художником В.К. Шебуевым⁸⁶ (илл. 17). Через некоторое время здесь же была помещена «Картина на полотне, преложение святых мощей святителя Димитрия митрополита в 1763-м году бывшего, живописная с изображением лиц при том присутствовавших государыни императрицы Екатерины II-й, членов Святейшаго Синода преосвященных архиереев, архимандритов и прочих духовных и придворного генералитета, в раме с резьбой позолоченой на полимент, которая мерою в высоту 3 аршина и 3 вершка, и в ширину 3 аршина и 3 четверти»⁸⁷. Это весьма внушительное по размерам произведение развивало тему духовной истории св. Димитрия и акцентировало внимание на государственном значении его культа.

Все четыре названных выше шитых образа, а также данная картина «устроены кочтом графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской»⁸⁸. Она же и граф Н.П. Шереметев пожертвовали дорогие лампы к раке святителя и находившимся при ней образам⁸⁹.

Для раки св. Димитрия в 1846 г. мастер из деревни Браташиной Ярославской округи Фаддей Тимофеев Смолин изготовил ступенчатый белокаменный пьедестал или «амвон»⁹⁰, облицованный в 1847 г. латуною и медными узорчатыми плитами к 1847 г.⁹¹ (илл. 6).

На средства той же Орловой-Чесменской в 1824 г. у гробницы св. Иакова установили его образ, «вышитый золотом и серебром в полный рост в саккосе и во всем архиерейском облачении по малиновому бархату, в раме с резьбою позолоченой на полимент за стеклом шлифованным»⁹². Графиня и впоследствии продолжала жертвовать на обновление надгробного комплекса этого святого. При ее значительной финансовой поддержке вместо прежней деревянной была создана новая серебряная рака Иакова Ростовского⁹³. Рисунки и столярный шаблон для нее в 1843 г. выполнил резчик из угличского села Заозерья Алексей Михайлов сын Бычков⁹⁴. Живописный образ св. Иакова на крышке раки написал в 1843 г. штатный служитель Яковлевского монастыря Василий Птичников. Саму раку изготовил в 1843-1844 гг. московский серебряник Иван Матвеев сын Лавров⁹⁵. Судя по схематическому чертежу середины XIX в., она имела причудливо-барочные формы (илл. 19). На ее боковых сторонах находились изображения чудес святителя и тексты из его жизнеописания⁹⁶. Важно то, что раку установили не на старом месте, а несколько ближе к северной стене собора (илл. 21). Здесь в качестве основания для раки около 1847 г. был устроен белокаменный ступенчатый «амвон» или, иначе говоря, пьедестал, облицованный с боков латуною, а сверху – медными узорчатыми плитами⁹⁷. Характерно, что вместе с перемещением раки св. Иакова к северу от ее более раннего местоположения, переместилась и икона этого святого в местном ряду иконостаса. Если раньше, как мы помним, она находилась справа от северной алтарной двери, то теперь ее установили слева от нее, рядом с гробницей святого, – в качестве его надгробного образа. А располагавшаяся здесь ранее икона Афанасия Александрийского заняла прежнее место иконы Иакова⁹⁸.

Согласно приходо-расходной книге монастыря, в 1849 г. живописец Роман Федоров Виноградов получил 110 руб. «за две картины иконописного стенового художества для пробы в соборной Зачатьевской церкви, в коих изображены погребение святителя Иакова и образ Знамения Божия Матери»⁹⁹. Документ не уточняет, в каком месте были сделаны данные росписи. Но известно, что небольшой фрагмент стенописной композиции с изображением погребения св. Иакова до нашего времени сохранился на северной стене собора слева или к северу от ниши, у которой с 1840-х годов стояла серебряная рака этого святого. Фотография 1920-х годов позволяет составить некоторое общее представление

об этой композиции (илл. 14). Вполне возможно, именно ее и написал Р.Ф. Виноградов по указанию монастырских властей в качестве элемента надгробного комплекса святителя.

Суммируя вышесказанное со сведениями описи 1847 г. и описанием монастыря 1849 г., охарактеризуем состав надгробного комплекса св. Иакова в середине XIX в. В северо-восточном углу собственно храма, перед иконостасом, на ступенчатом пьедестале, стояла серебряная рака святителя. На ее крышке имелось его изображение. К востоку от раки в местном ряду иконостаса находилась надгробная икона Иакова. Другой его надгробный образ – в полный рост, шитый золотом и серебром по малиновому бархату, в резной золоченой раме за стеклом, – размещался на северной стене за ракой. Последнюю ограждала медная решетка. Рака стояла перед сквозной нишей, открывавшейся в соседний северный придел Иакова. Справа и слева от этой ниши располагались две стенописные композиции, дополняющие надгробный комплекс, соответственно «Рождество св. Иакова» и «Погребение св. Иакова». Перед ракой стоял большой медный посеребренный подсвечник¹⁰⁰. Здесь же находилась кружка для денежных подаяний¹⁰¹. Итак, к середине XIX в. по богатству и характеру оформления надгробный комплекс св. Иакова стал напоминать соответствующий комплекс святителя Димитрия.

Самым значительным событием в истории интерьера Зачатьевского собора середины XIX в. стало создание новых царских врат для его иконостаса. Старые врата были деревянными резными, новые – серебряными. Контракт на их изготовление в 1849 г. монастырь заключил с московским серебряником Егором Антиповым сыном Антиповым¹⁰². Модель для них в конце 1849 – начале 1850 г. представил переселившийся из села Заозерья близ Углича в Ростов резчик Алексей Михайлов сын Бычков¹⁰³. В 1850 г. упомянутый серебряник начал работу по изготовлению царских врат¹⁰⁴, а в 1851 г. она была завершена¹⁰⁵. Данные врата, обильно украшенные чеканным орнаментом, представляли собой характерное произведение эпохи эклектики (илл. 22).

Период второй половины XIX – начала XX в., как и более раннее время, характеризуется многочисленными переменами в облике интерьера собора.

М. Толстой в своей книге «Святыни и древности Ростова Великого», опубликованной в 1866 г., писал: «Над ракою (св. Димитрия – А.М.) в недавнее время устроена великолепная серебряная сень»¹⁰⁶. В предшествовавшем подобном издании 1860 г. она еще не упомянута¹⁰⁷. Значит, эта сень, покоящаяся на четырех серебряных же колоннах (илл. 6), появилась между 1860-м и 1866-м годами. Она явно усилила выразительность и сакральную значимость главной святыни Яковлевского монастыря. В то время над большинством гробниц ростовских святых также располагались сени, но ни одна из них не была выполнена из драгоценного металла¹⁰⁸. Так что, как и в предшествовавшее время, во второй половине XIX – начале XX веков надгробный комплекс св. Димитрия превосходил все остальные подобные комплексы Ростова и его окрестностей богатством своего оформления. Да во всей России того времени сходных по богатству надгробных комплексов святых имелись считанные единицы¹⁰⁹. И это вполне соответствовало необыкновенно высокому статусу культа св. Димитрия в тот период.

Тогда же шитые образа св. Димитрия Солунского и пророка Даниила перенесли от раки в алтарь (см. ниже). Вместо них появился живописный образ св. Димитрия на стекле, или, иначе говоря, витраж, установленный в самом конце XIX в. или в начале XX столетия в проеме окна над его ракой (илл. 23). Серебряный киот с образом св. Димитрия приставили оборотной стороной к южной грани юго-западного столпа, в результате исчезла зримая преграда между гробницей святого и пространством перед иконостасом. Сюда к 1866 г. переместили с юго-западного столпа особо почитаемую икону Ватопедской Богородицы¹¹⁰. Таким образом, пространство надгробного комплекса св. Димитрия распространилось почти до самого иконостаса.

Во второй половине XIX – начале XX вв. значительные перемены произошли в оформлении алтарной части собора. В этот период значительной реконструкции подвергся упоминавшийся выше иконостас в центральной апсиде. Средняя его часть была демонтирована, а в боковых разместили ряд шитых образов, среди которых оказались и изображения пророка Даниила и Димитрия Солунского. Очевидно, их туда переместили от гробницы св. Димитрия. Так позволяет судить то, что они уже отсутствуют на фотографии его надгробного комплекса конца XIX в. (илл. б), а также их наличие в указанном алтарном иконостасе в 1919 г.¹¹¹ Во второй половине XIX или в начале XX в. над алтарем собора соорудили монументальную сень на двенадцати колоннах (илл. 24, 25).

Со времени строительства и вплоть до конца XIX в. пол храма был вымощен чугунными плитами, подобными тем, которые по сию пору сохранились в церквях Воскресения и Спаса Ростовского кремля. На рубеже XIX и XX вв. пол собора покрыли метлахской плиткой, сохранившейся до наших дней. Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX вв. стенописи собора неоднократно поновлялись¹¹².

Итак, мы проследили историю оформления интерьера собора в XVIII – начале XX вв. И теперь попытаемся определить основные тенденции, действовавшие в этой истории.

С конца XVII в., то есть со времени своего создания, и до 1738 г., а вероятнее всего, до 1752 г., данный интерьер оставался более или менее неизменным. В 1750-1760-е годы в связи канонизацией и резким подъемом почитания св. Димитрия Ростовского происходит бурное обновление оформления интерьера. Если до того он был выдержан в формах древнерусского искусства в оригинальном варианте, выработанном ростовским митрополитом Ионой (1652-1690)¹¹³, то с этого времени в нем стало господствовать убранство в стиле позднего барокко с элементами рококо. В этом же стиле насыщение интерьера новыми компонентами убранства продолжалось до начала XIX в. Очевидно, монастырское руководство сознательно культивировало данный стиль в данном интерьере. Более поздние художественные стили также наложили свой отпечаток на образ интерьера, но вплоть до начала XX в. в его облике господствовали барокко и рококо. Поражает не ослабевавшая с середины XVIII в. тенденция к постоянному обновлению убранства интерьера, особенно наиболее сакрально значимых его зон, – таких, как алтарь и места упокоения святых. В наибольшей степени переменам был подвержен надгробный комплекс св. Димитрия. Очевидно, эта переменчивость непосредственно зависела от степени почитания святого.

В заключение необходимо сказать следующее. История оформления русского церковного интерьера XVIII – начала XX вв. еще не написана. Насколько мне известно, не была даже ясно сформулирована задача составления такой истории. В данной ситуации предлагаемая работа призвана наметить пути и подходы к дальнейшему изучению указанной истории.

1. Основные положения настоящей работы в популярном виде изложены в шести газетных статьях, опубликованных в 2005 – первой половине 2006 г. в приложении «Ростовская старина» к газете «Ростовский вестник». Ростов, 26.07.2005; 27.09.2005; 29.11.2005; 31.01.2006; 28.03.2006; 30.05.2006, Все номера «Ростовской старины» хранятся ныне в Москве, в Государственной публичной исторической библиотеке.
2. Ссылки на эти работы см. ниже.
3. Мельник А.Г. Первоначальный интерьер Троицкого собора Ростовского Яковлевского монастыря // ИКРЗ. 2002. Ростов, 2003. С. 60-80.
4. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 627.
5. Там же. Л. 3.
6. Там же. Л. 3 об.
7. Там же. Л. 3-4.

8. Там же. Л. 3 об.
9. Там же. Л. 4.
10. Описание Ростовского ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на песках. СПб., 1849. С. 20.
11. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 627. Л. 4.
12. Там же. Л. 2 об.
13. Там же. Л. 12 об. – 13.
14. Описание Ростовского ставропигиального... С. 10.
15. Описание Ростовского ставропигиального... С. 10.
16. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 618. Л. 9 – 9 об.
17. Там же. Л. 7.
18. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 619. Л. 29.
19. Описание Ростовского ставропигиального... С. 20.
20. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 618. Л. 8 об.
21. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 об.
22. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 8. Л. 8. Л. 5 об.; РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 7. Л. 7; РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 619. Л. 30; РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 5. Л. 6; РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об.; РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 633. Л. 6 об.; РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 634. Л. 10 об.
23. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 619. Л. 30.
24. Вахрина В.И. Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь. М., 2002. С. 20.
25. Титов А.А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М. 1911. С. 77.
26. См.: Иконография ростовских святых. Каталог выставки / Сост. А.Г. Мельник. Ростов, 1998. С. 70.
27. Вахрина В.И. Келейная икона святителя Димитрия Ростовского «Богоматерь Ватопедская» // ИКРЗ. 1994. Ростов; Ярославль, 1995. С. 107.
28. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 618. Л. 7-10.
29. См.: Мельник А.Г. Гробница святого в пространстве русского храма... С. 542-547.
30. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 618. Л. 5 – 5 об.
31. Там же. Л. 3 об. – 5 об.
32. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 230. Л. 2 об. – 3.
33. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 618. Л. 10 – 10 об.; РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 – 11; РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 – 6 об.
34. РГАДА. Ф. 1407. Оп. Д. 618. Л. 4-5, 10 об.
35. Северный придел собора в 1754 г. получил новое посвящение св. Иакову Ростовскому. Изменился к 1757 г. и состав икон иконостаса данного храма. Теперь к югу от царских врат находился образ Всемиловитого Спаса с ангелами и ростовскими святыми Леонтием и Исаией, и икона святителя Иакова. К северу от тех же врат образ Богородицы Толгской на холсте и икона Иоанна Предтечи. На южной двери был изображен Ангел Хранитель, на северном – архидиакон Стефан. Соответственно над теми и другими дверьми находились иконы Богоматери Знамение и Богоматери Владимирской. Второй ярус иконостаса составлял деисусный чин. См.: РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 618. Л. 78-79.
36. Описание Ростовского ставропигиального... С. 24-26.
37. Там же. С. 26.
38. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.-9 об.
39. Описание Ростовского ставропигиального... С. 24.
40. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.
41. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 7; Описание Ростовского ставропигиального... С. 18; Баниге В.С., Брюсова В.Г., Гнедовский Б.В., Щапов Н.Б. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957. С. 126.

42. Описание Ростовского ставропигиального... С. 19.
43. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 2-4.
44. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.
45. Описание Ростовского ставропигиального... С. 18.
46. Борисова. В.И. Новые материалы о ростовском финифтянике Александре Григорьевиче Мощанском. Конец XVIII – начала XIX веков // ИКРЗ.1995. Ростов; Ярославль, 1996. С. 176, сноска № 9.
47. Виденеева А.Е. О ростовских художниках второй половины XVIII – начала XIX веков. // СРМ. Ростов. 1998. Вып. 9. С. 121.
48. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 12 об.
49. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 12 об.; ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 21. Л. 15 об., 25 об., 29 об., 31, 35; ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 24. Л. 7 об., 18 об., 28, 33, 35, 47 об., 50; ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 25. Л. 14 об., 24 об., 29, 33 об.
50. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 5. Л. 2-4.
51. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1848. Ч. 1. С. 9, 481.
52. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 634. Л. 2.
53. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-4 об.
54. Описание Ростовского ставропигиального... С. 14-15; Полознев Д.Ф. К истории каменного строительства в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре в 70-х годах XVIII века // СРМ. Ростов, 1992. Вып. 3. С. 106-112.
55. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
56. Описание Ростовского ставропигиального... С. 19.
57. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 25. Л. 36; Никитина Т.Л. Система росписи Троицкого (Зачатия св. Анны) собора ростовского Спасо-Яковлевского монастыря // СРМ. Ростов. 2003. Вып. 14. С. 234, прим. № 13.
58. Описание жизни почившего в Господе Ростовского ставропигиального Яковлевского монастыря, составленное особенно для любителей и почитателей памяти сего благочестивого старца, с присовокуплением писем его к разным особам. М., 1834. С. 15-45.
59. Приношу благодарность О.П. Постернак, предоставившую мне фотографию данного произведения. Картина реставрирована И.Д. Савченко.
60. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 619. Л. 28 об.
61. Там же.
62. Описание Ростовского ставропигиального... С. 21.
63. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 21. Л. 31 об.
64. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 24. Л. 24.
65. ГМЗРК. Ф. 298. Оп. 13. Д. 25. Л. 24 об.
66. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 25. Л. 47, 49 об., 51-51 об., 56, 60.
67. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 619. Л. 28 об.
68. Там же. Л. 26.
69. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 8. Л. 3 об.
70. Там же. Л. 3 об.-8.
71. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 619. Л. 31.
72. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 619. Л. 30 об.-31; РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об.-7.
73. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
74. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
75. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 19-20.
76. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 633. Л. 6-6 об.
77. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 164. Л. 24 об.

78. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 633. Л. 4.
79. РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1 Д. 11. Л. 22-22 об.
80. Во время составления описи 1802 г. данного образа еще не было (РФ ГАЯО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 4-6).
81. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 633. Л. 4 об.-5.
82. Там же. Л. 5.
83. Описание Ростовского ставропигиального... С. 26.
84. А.А. Круминг предполагает, что св. Димитрий Ростовский был рожден 11 декабря 1651 г. и крещен во имя Даниила Столпника, память которого празднуется того же 11 декабря. По мнению автора, «в старину новорожденному очень часто давали имя святого, в день которого он родился (Круминг А.А. Святой Димитрий Ростовский: точная дата рождения // СРМ. Ростов, 1992. Вып. 3. С. 6). В действительности же «в старину» было принято называть младенца в честь того святого, в праздник которого его крестили. Тогда, как правило, крестили не в день рождения, а некоторое время спустя. Таким образом, у человека обычно имелись два патрональных святых, памяти которых приходились на день его рождения и на день крещения (Мельник А.Г. Практика посвящений храмов во имя великокняжеских и царских святых в XVI веке // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 38-48). Как известно, сам митрополит Димитрий не знал точной даты своего рождения, но помнил, что родился и крещен в декабре месяце. Память пророка Даниила приходится на 17 декабря. Значит, именно в этот день и был крещен Димитрий Ростовский.
85. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 633. Л. 5.
86. Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» / Авторы текста Е. Ким, Т. Колбасова. М., 2003. С. 10-11; РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 634. Л. 8 об.
87. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 634. Л. 9.
88. Там же. Л. 9.
89. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 633. Л. 4 об.-5.
90. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 150. Л. 7 об. См. о Ф.Т. Смолине в: Мельник А.Г. Ансамбль Ростовского Рождественского монастыря в XVIII – начале XX вв. // СРМ. Ростов, 2003. С. 377.
91. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 634. Л. 7 об.
92. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 634. Л. 6.
93. Описание Ростовского ставропигиального... С. 22.
94. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 140. Л. 12 об.
95. Виденеева А.Е. Серебряная гробница св. Иакова Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря // «Минувших дней связующая нить...» V Тихомировские чтения. Ярославль, 1995. С. 22-25; ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 140. Л. 16.
96. Описание Ростовского ставропигиального... С. 22.
97. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 634. Л. 6.
98. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 634. Л. 4-5.
99. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 164. Л. 14; Виденеева А.Е. Художники круга Спасо-Яковлевского монастыря в конце XVIII – начале XX веков // IV научные чтения памяти И.П. Болотцевой. Сб. статей. Ярославль, 2000. С. 48.
100. РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 634. Л. 5 об.-6; Описание Ростовского ставропигиального... С. 22.
101. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 154. Л. 1; ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 164. Л. 14.
102. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 175. Л. 17.
103. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 168. Л. 14 об.
104. Там же. Л. 18.

105. ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 175. Л. 17.
106. Толстой М. Святыни и древности Ростова Великого. 3-е изд. М., 1866. С. 59.
107. См.: Толстой М. Древние святыни Ростова-Великого. М., 1860.
108. Мельник А.Г. Надгробные комплексы ростовских святых в XVII – начале XX веков: основные тенденции формирования // ИКРЗ. 2005. Ростов. 2006. С. 452, 465, 476.
109. В качестве примеров можно указать надгробные комплексы святых Сергия Радонежского и Александра Невского.
110. Толстой М. Святыни и древности Ростова... С. 59-60.
111. Инвентарная опись храмов, зданий и другого имущества Ростовского Спасо-Иаковлевского монастыря / Публ. А.Е. Виденеевой // СРМ. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 93-94.
112. См.: Титов А.А. Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь в городе Ростове, Ярославской губ. Ростов-Ярославский, 1913. С. 127; Виденеева А.Е. Художники круга Спасо-Яковлевского монастыря в конце XVIII – начале XX веков // IV научные чтения памяти И.П. Болотцевой: Сб. статей. Ярославль, 2000. С. 46-50, 53.
113. Мельник А.Г. Ростовский митрополит Иона (1652-1690) как творец сакральных пространств // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред. сост. А.М. Лидов. М., 2006. С. 740-753.